

НАША СТРАНА

Год издания 69-й. Буэнос Айрес, 3 июня 2017

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 3 de junio de 2017 No. 3062

К десятилетию духовного падения 17 мая 2007 / 17 мая 2017

Вспомнить прения, раздоры, волновавшие русскую православную общественность, и особенно в Зарубежье, 10 лет назад и сравнить с сегодняшней, можно сказать, полной апатией... Все более менее свыклись с постигшей всех нас тогда травмой. Кто сейчас вспоминает тот факт, что для лучшего поглощения изадачливых Зарубежников, Московская Патриархия предоставляла 5-летний мораторий — возможность в течении 5 лет не поминать вслух патриарха на богослужениях (!), что, однако, отнюдь не должно было малейшим образом затмевать факт его первосвятительства!

Какая-то детская игра, но тем не менее это показывало, что некоторые могли испытывать вполне понятное чувство неловкости. Совесть как-то ещё шевелилась. Однако даже этого сегодня уже нет...

Да, ровно 10 лет назад, в историю Церкви вошло то, что в самый день, когда весь христианский мир праздновал славное **Вознесение** Господне, православным христианам дано было наблюдать великое **падение**.

С церковного небосвода в безну свалилась некогда славная звезда. До сих пор трудно понять, осмыслить — как такое могло случиться? Как и почему могла расцвести такая духовная порча в ещё совсем недавно бескомпромиссных душах — трудно сказать. Конечно свою роль могло сыграть обмирщение паствы и клира, всё большее давление окружающей нехристианской среды. Все мы знаем, куда идёт мир.

Вспоминаются скорбные, но мудрые слова нашего покойного Архиепископа Серафима, когда все радовались падению советской власти. Он правильно предупреждал, что теперь для нас настанут самые трудные времена: до сих пор всё было ясно — белое было белым, чёрное было чёрным, а теперь всё станет серым... Так оно и вышло.

До некоторой степени повторилась ветхозаветная история Вавилонской башни и смещения языков.

Конечно вполне оправданную радость вселяло долгожданное падение советской власти, но как ошибочно и грешно было не видеть, что с падением власти Зло, то страшное Зло, которому десятилетиями противлялись, не было искоренено. Оно на время притухло, замолкло и под всякими видами, ложными видами, пыталось усыплять совесть людей. И это в частности проявлялось через наплыв чуждых Зарубежному духу элементов, поступающих в приходы и особенно пополняющих ряды священства. Всё больше слышалось восторженных голосов, говорящих об охватившей нашу Церковь весне, о неком возрождении, тогда как на самом деле соль обубевала и продолжает обубеять...

Свою роль естественно сыграла и бесстыдная ложь, распускаемая патриархическими сановниками и зарубежными предателями о том, что сергианство, будто, «пере-

чёркнуто», а экуменизм вопрос прошлого, которым приходилось заниматься по чисто политическим соображениям, но теперь можно открыто говорить о разрыве с экуменизмом, о выходе из Всемирного Совета Церквей, и т. д.

Теперь что прошла необходимость ложью заманивать людей, каждый волен наблюдать настоящее положение дел: Сергию не только воздвигаются сегодня памятники, но и бывшим зарубежникам приходится признавать, что, да, своей политикой Сергей «спасал Церковь».

А что касается экуменизма, тут уж всякий разговор излишен. Вот, на днях узнали о существовании какого-то странно названного «Летнего Института», организованного Папским "Советом по содействию христианскому единству" при участии Отдела Внешних Церковных Связей МП. Это только цветочки от Гаванской встречи между Папой и Кириллом Гундяевым, а плоды — впереди.

Серый кардинал — во всех смыслах слова — Иларион Алфеев в феврале месяце отмечал первую годовщину исторической, знаменательной встречи на торжественном мероприятии во Фрибургском университете (Швейцария), где именно говорил об этих будущих плодах. Не знаем, как в России, но за границей мало рекламы было дано этому "славному мероприятию"; видно этот деликатный момент следовало покрыть скромной вуалью умолчания. А было чего стыдиться. И чего опасаться — кто знает, может быть ещё у некоторых заговорит совесть? И на самом деле, Иларион Алфеев, невзирая на бурю негодования, поднимающуюся среди собственной паствы, разразился там обычной ему воодушевлённой речью, в которой он откровенно привёл итог состоявшемуся событию и открыл перспективы. Знаем, что нет более глухого, чем тот, кто не хочет слышать, тем не менее предлагаем желающим оз-накомиться с тем, что в церковной жизни их ожидает:

<http://www.pravoslavie.ru/101063.htm>

Что МП идёт таким путём, увы, нас не удивляет и только слепые могут не видеть, значит не понимать, что никакого улучшения ожидать не следует. Всё уже заранее написано. Вся программа начертана. Как было ясно, что после Алексея Ридигера к высшей власти придёт Кирилл Гундяев, так и сейчас ясно, что его заменит Иларион Алфеев.

Можно только пожелать Кириллу, что эта смена не произойдёт в таких же тёмных и до сих пор загадочных условиях, как когда он перенял власть от Алексея... Но вся программа и картина будущих лет, как на ладони видны.

Зато продолжает удивлять, с каким невозмутимым спокойствием относятся к своему положению те, кто ещё не так давно принадлежал к Церкви, сознательно и успешно борющейся с доктринальными по-

роками МП, тогда как эти пороки ничуть не исчезли, а к ним ещё прибавились открытая нравственная распущенность и бесстыдная погоня за деньгами, превратившая церковное служение в вертеп наживы. Как такое безучастие, такое смирение перед Злом стало возможным, остаётся для нас непонятным. Однако и тут можно было предугадать развитие дел.

Для этого надо вернуться несколько лет назад, когда стали проявляться трещины, развалившие наше церковное здание в конце 9-х и начале 2000-х годов. Пожалуй, происки Вл. Марка на Святой Земле были первым видным сигналом намечавшегося штурма на церковную крепость. Затем в июле 2001 года состоялся "преступно-разбойнический синод", официально созданный ко дню 50-летнего архиерейского юбилея Блаженнейшего Митрополита Виталия. Горько вспоминать эти события и всё то безобразие, которое последовало, но и забывать нельзя.

Да, хорошее чествование маститого Первоиерарха устроили ему синодалы, ни перед чем святым не останавливавшиеся, и совершившие невообразимое: насильственно принудили всеми — только не ими! — уважаемого старца-митрополита выйти на покой, а вернее сказать — уволили Главу Церкви! Слово по примеру Великого Инквизитора Достоевского. "Уходи. Ты нам мешаешь!" И стали затыкать рты и безцеремонно убирать всех несогласных с политикой развала РПЦЗ, продолжая одновременно уверять весь мир, что ничего, мол, нового они не вводят, а весь шум — чистейший вымысел злонамеренных провокаторов. В эти позорные дни, обойдя верных Архиереев, все съехавшиеся на "празднование" юбилея-Митрополита, прибыли с определённой мыслью и миссией — силою или добровольно добиться его отречения. Пришлось применять силу, в этот самый день, как и неоднократно после этого. Как коршуны кидаются на свою добычу, так несколько епископов резко обращаются к Митрополиту, грубо отказывая пустить священника, которого Митрополит пригласил быть его секретарём. Со всех сторон посыпались нападки, хотели заставить его отречься, но он мужественно сопротивляется целых два дня. И только на третий день, 13 июля 2001 года, он как будто соглашается, чтобы вопрос о его уходе в отставку обсуждался на следующем соборе и тут же покидает зал заседания, сказав: «Мне кажется, что нам не о чем больше говорить». На этом закончились "юбилейные торжества"...

К открытию Собора в октябре того же года (очередная октябрьская революция!) Митрополит пришёл и выдал всем письменное Заявление следующего содержания: «Сознавая глубину греховного падения некоторых членов Архиерейского Собора нашей Церкви, в их ин-

тенсивном, но ещё не высказанном полностью желании соединения с Московской Патриархией, я, с полной ответственностью перед Богом, русским православным народом и перед своей совестью, считаю своим архиастырским долгом заявить, что предстоящий Архиерейский Собор, имеющий открыться 23 октября 2001 года, нельзя назвать иначе, как собранием безответственных». И устно до-бавил: «Я не вижу среди вас никого, кто мог бы стать преемником наших Митрополитов». Кто мог бы сегодня ему противоречить?

После этого последовало избрание нового так называемого "первоиерарха митрополита" — Лавра (Шкурлы) и два возмутительных покушения под неумелым водительством подручного по грязным делам преступного Синода Михаила Донскова, возглавившего чудом неудавшуюся попытку похищения Митрополита с помощью наёмной силы и новое покушение три недели спустя с насильным увозом Митрополита в психиатрическую больницу для экспертизы, которая, к посрамлению синодалов, законным порядком официально определила здравый ум и дееспособность Митрополита в ведении церковных дел. Но всё это не помешало новоизбранному только по имени зарубежному Синоду продолжать свои предательские дела, а трижды анафематствованному Михаилу Донскову восседать ныне в архиепископском сане, как ни в чём ни бывало, на женевской кафедре и постоянно выступать на разных мероприятиях, под видом достойного представителя Белой Эмиграции...

К чему вспоминаем эти горькие дни, эти печальные события? Потому что нельзя их забывать, и если не мы, то кто будет об этом напоминать? Но так же и для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что - как в истории России не будь февраля, не было бы и октября, - не будь незаконного увольнения Митрополита, не было бы и последовавшей позорной унии, повергшей Зарубежную Церковь в её сегодняшнее состояние.

Нас мало, но служим мы **идею**, а не людям, не моде, не миру.

Поэтому, сегодняшнее сопротивление малого остатка Зарубежной Церкви является ничем иным, как священный долг памяти по отношению к нашим Отцам, к нашему прошлому, долг памяти во имя духовного будущего, чего можем достичь только объединением наших разрозненных сил.

А есть ли ещё смысл призывать людей к возврату на исторический путь Зарубежной Церкви? Им одним принадлежит ответ. Ведь столько раз уже призывали, и за всё это время только единицы, которых можно сосчитать на пальцах **одной** руки, отшатнулись от позора. Но никогда нельзя терять надежды.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

ЧТО ГОВОРИТ ТРАМП?

Президент Дональд Трамп дал интервью английской газете «Файнэншэл Таймс». Приводим краткое изложение. На выборах Трамп разрушил планы элиты. Сегодня он считает, что его критики снова ошибаются. Доверие бизнеса растёт, а индекс Доу-Джонса резко идёт вверх. Президент считает себя искусным собеседником, общающимся с массами напрямую (по интернету).

Общение в Твиттере – это яркая характеристика Трампа. Там он ведёт себя дерзко и непоказно: Трамп полон решимости показать, кто в доме хозяин. Иногда он обворожителен, иногда грозен, а в манере его руководства преобладает нетрадиционность. В то же время становится очевидно, что за его кажущейся нелепостью скрывается весьма чёткая методика.

Трамп и его команда считают, что особенность 2017 года – это экономический национализм. Они полагают, что Америке, на протяжении 70 последних лет защищавшей либеральный порядок, из бескорыстной державы необходимо превращаться в державу эгоистическую.

Есть и другая интерпретация поведения Трампа – он нагнетает напряжение, чтобы потом ослабить его, используя традиционную дипломатическую практику. «Но это не игра, это не болтовня», говорит он. «Соединенные Штаты болтали достаточно долго и посмотрите, что получилось. Это путь в никуда. Это не хорошо. В то же время я не рассказываю вам о методах того, что я делаю».

Из высказываний Трампа: - Если мы не получим то, чего хотели по реформе здравоохранения от республиканцев, мы заключим сделку с демократами и у нас будет хорошая форма здравоохранения.

- О выходе Англии из Европейского Союза: Мне кажется это замечательное решение для Великобритании, и я думаю, это очень и очень хорошо для Европейского Союза.

- О Твиттере: без твита я бы не был здесь. У меня более ста миллионов подписчиков. Мне нет нужды обращаться к информационным вбросам.

- Под военным американским зонтиком очень многие союзники стремятся жить на даровщину.

- У наших предшественников ничего не вышло – посмотрите, где мы оказались. У нас дефицит торгового баланса – 800 триллионов долларов.

- Надо вести дискуссию о двухгосударственном решении проблемы между Израилем и Палестиной.

Трамп выиграл выборы так как вокруг него и его призывов сплотились республиканцы и многие демократы из рабочего класса, которые оставили фаворитку истеблишмента Хиллари Клинтон.

В инаугурационном выступлении Трамп отдал должное своим сторонникам, заявив: «Заброшенные мужчины и женщины нашей страны больше не будут в забвении».

Е. Кармазин

Новая книга
Г. М. Солдатова
Разгром Джорданвилля
Одесса, 2016, 90 стр.
Выписывать по адресу :
ipc.roca@gmail.com

ТРАМП НА КРЮЧКЕ У ПУТИНА

Зять Дональда Трампа Джаред Кушнер, одновременно занимающий пост советника президента США, находится под пристальным наблюдением Федерального Бюро Расследования в рамках изучения связей предвыборного штаба Трампа с Путиным.

Следствие полагает, что у 36-летнего Кушнера есть важная информация, касающаяся расследования, сообщает Эн-Би-Си.

ФБР изучает потенциальные связи предвыборного штаба Дональда Трампа с Путиным и властями РФ в ходе президентской гонки в США 2016 года. Расследование возглавляет бывший директор ФБР Роберт Мюллер.

Адвокат Кушнера Джейми Горелик уже заявил, что его клиент намерен полностью сотрудничать со следствием и готов ответить на любые вопросы.

При этом источники американской корпорации Эн-Би-Си, пожелавшие остаться неизвестными, уточнили, что внимание к Кушнеру спецслужб не означает, что его подозревают в совершении какого-либо преступления, и - на основе имеющейся у них информации - не планируют предъявлять ему обвинения. Во всяком случае, пока...

По данным Washington Post, следствие интересуется подробностями встреч Кушнера с послом РФ в США Сергеем Кисляком и неким московским банкиром. Параллельно, возможными связями трамповского штаба с Москвой интересуются и в Конгрессе. Кушнер уже дал согласие выступить в сенатском комитете по разведке и ответить на вопросы о своих связях с путинской Россией.

В марте стало известно, что Кушнер вместе с занимавшим тогда пост советника по национальной безопасности Майклом Флинном в декабре прошлого года (то есть еще до своего официального вступления в должность) встречался с Кисляком в Нью-Йоркской башне Trump Tower. Американская разведка убеждена, что Путин пытался помочь Трампу выиграть в президентской гонке, дискредитируя Хиллари Клинтон и её партию с помощью *кибер-атак*. Из-за этих обвинений предыдущая администрация США выслала из страны 35 дипломатов РФ.

Путинские власти отрицают, что пытались повлиять на результаты американских выборов. Путин даже заявил, что в США "развивается политическая шизофрения".

А Комитет по разведке Палаты Представителей США расследует обвинения в сговоре между штабом Трампа и властями РФ.

Всё новое, что мы узнаём про Трампа, ложится в общую концепцию: Трамп завербован Путиным: Не известно как, не известно когда, не известно в связи с чем и что именно было использовано в качестве компромата (обычно это либо секс, либо деньги, либо секс и деньги), но, анализируя поведение Трампа, нельзя избавиться от ощущения, что Трамп Путину должен и постоянно с ним расплачивается. При этом Путин Трампу явно ничего не должен и ничего Трампу взамен не дает.

Как во время предвыборной кампании, так и после победы Трамп не говорит про Путина ни одного плохого слова. Про всех говорит, а про Путина – нет. Как во время предвыборной кампании, так и после победы Трамп приблизил к себе генерала Майкла Флинна,

скомпрометированного, а может быть, даже и завербованного разведкой РФ не позднее декабря 2015 года, когда Флинн летал в Москву на 10-летие путинского пропагандного канала RT, а может быть, для встречи со своими кураторами из ФСБ.

Есть одна фотография, где видно как вставший Флинн аплодирует Путину в ситуации, когда вставать было не обязательно. По крайней мере пресс-секретарь Путина Песков продолжает сидеть за столом.

Также все видели известную фотографию Флинна, сидящего рядом с Путиным на этом же юбилее в декабре 2015 года. Но никто не задавал себе вопрос о том, куда так внимательно смотрят на этой фотографии сидящие за столом. А дело в том, что смотрят они на экран, где в этот момент выступает приглашенный на торжество (по видеосвязи – из-за невозможности приехать лично) основатель сайта WikiLeaks Джулиан Ассанж, являющийся постоянным сотрудником RT, которому, как и Флинну, путинское правительство через RT платило деньги.

Сегодня мы знаем, что Флинн был куплен за примерно 600 тысяч долларов, за которые он еще должен будет отчитываться перед следствием. Но дело не в том, что глупый, жадный или завербованный Флинн положил в свой карман сомнительные 600 тысяч. Дело в том, что именно такой скомпрометированный Флинн почему-то понадобился президенту Трампу на должности советника по Национальной Безопасности. А когда информация о подозрительной деятельности Флинна стала достоянием общественности, Трамп, вместо того, чтобы сразу уволить заподозренного в связях с РФ генерала, продолжал упорствовать в его защите, пойдя ради Флинна даже на риск *импичмента*, то есть рискуя собственной головой. Ясно, что Трамп назначил Флинна на должность советника по Национальной Безопасности, потому что это было одно из требований Путина. Трамп до сих пор всячески выгораживает и защищает Флинна по той же причине.

Трамп увольняет директора ФБР Джеймса Коми, потому что тот отказывается закрыть начатое в отношении Флинна расследование. Ранее Трамп проигнорировал многочисленные предупреждения исполняющей обязанности генерального прокурора США Салли Йейтс относительно Флинна и, в конце концов, вместо того, чтобы снять с должности Флинна, уволил саму Йейтс. Он уволил Флинна только тогда, когда уже ему стала невозможно его держать на этом посту.

Трамп заискивает перед Путиным как заискивает перед своим куратором любой агент.

Есть две причины, по которым Трамп может защищать Флинна, рискуя при этом своей должностью. Первая: Трамп взял на себя в отношении Флинна обязательства перед Путиным. Вторая: Флинн обладает компрометирующей Трампа информацией о связях

Трампа с Путиным. К тому же, Трамп знал о сотрудничестве Флинна с правительством РФ ещё до того, как назначил генерала на должность советника по Национальной Безопасности, что само по себе теперь является компроматом. Других объяснений поведению Трампа нет.

Как и почему Трамп так действует?. Наверное, при известных обстоятельствах, можно было бы встретиться с министром Иностранных Дел РФ Сергеем Лавровым и послом РФ в США Сергеем Кисляком. Но незамедлительно встретиться с ними по требованию Путина, не пустить на эту встречу американскую прессу, а только путинскую, и смеяться, улыбаться и почти обниматься перед объективами с представителями РФ, не сходящей уже много месяцев с американских экранов из-за обвинений во вмешательстве в президентские выборы в США и подкупе чиновников типа Флинна, – вещь для Америки неслыханная.

Секретной информацией, относящейся к террористической угрозе, можно делиться... с друзьями. Путин другом США не является.

Более того, есть серьезные основания подозревать Путина в причастности к организации целого ряда террористических актов, не говоря уже о поддержке Путиным Сирии и Ирана. Трамп перед руководством РФ – как кролик перед удавом. Он парализован. Он не может сопротивляться. Он не может отказать Путину в требовании принять Лаврова с Кисляком, хотя по статусу не обязан их принимать и веселиться с ними перед камерами.

В попытке скрыть природу своих отношений с руководством РФ Трамп не пускает на встречу свою, родную, американскую прессу. Он заискивает перед Путиным как заискивает перед своим куратором любой агент.

Вот история, не имеющая отношения к современности, хотя и имеющая непосредственное отношение к вербовке КГБ известного человека:

Долгие годы с советскими органами госбезопасности сотрудничал недавно скончавшийся в США советский поэт Евгений Евтушенко. Его куратором в КГБ был Евгений Петрович Питовранов, генерал КГБ, сравнимый по таланту, пусть и в другой области, с поэтом Евтушенко. Как у многих руководителей КГБ (Юрий Андропов, например, писал стихи), у Питовранова была слабость: он просил завербованных им писателей дарить ему книги с автографом. Оставил Питовранову свой сборник стихов и Евтушенко, с многозначительной дарственной надписью: "Страшнее, чем принять врага за друга – принять поспешно друга за врага. Питовранову от Евтушенко уже нет в живых. Книга с дарственной надписью осталась.

Неизвестно, сколько сумеет продержаться на посту президента США Дональд Трамп. Но хвалебные слова Трампа по отношению к Путину и счастливые лица Трампа, Лаврова и Кисляка, запечатленные прессой РФ на следующий день после отставки директора ФБР Коми, расследовавшего связи Трампа и его команды с путинским государством, останутся на память потомкам о времени поистине историческом.

Б. Гасан

СУДЬБА ВОЛЬНОГО КАЗАКА

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВИЧА НЕСТЕРОВА

Я не умею, не хочу, не могу... Не могу, не могу больше писать некрологи; за последние полгода нас покинули, уйдя в мир иной, корпусники Виктор Константинович Сапронов, Олег Николаевич Плескачев... И вот 23 мая в Стокгольмском госпитале на 98-м году жизни скончался Георгий Иванович Нестеров. Осталось трое – среди них Юрий Владимирович Шеффер, последний офицер Русского Корпуса, а, возможно, и вообще Белого Воинства.

С каждым из них я прощаюсь как с родным мне человеком. Нет, я не могу назвать себя их другом – слишком велика честь! – но я имел счастье быть знакомым с ними, с этими настоящими русскими людьми. Горе не в том, что уходят последние, всё-таки наша жизнь не вечна, – несчастье, что больше таких не будет. Таких вообще больше не бывает.

Их страстная любовь к своему далекому отечеству, к России, почти мистична. Так больше любить не умеют. И я тоже – не умею.

С каждым из них я общался и после съемок фильма о Русском Корпусе, встречался при первой же возможности, звонил. Каждому выпала нелегкая доля, но жизнь Георгия Ивановича была как-то по особенному тяжела. Отслужив в Корпусе и выйдя из лагеря, где он был вынужден выдать себя за серба, чтобы не попасть в «ласковые» советские объятия: «Все прощено! Родина ждет вас!», – он прожил не один десяток лет таковым не-русским, не-казакком – внешне, внешне! – работая простым шахтером в Англии. При этом, Георгий Иванович сохранил замечательный русский язык, уникальный в своем роде, прелесть звучания которого, к сожалению, невозможно передать на письме. И блистательное чувство юмора. Вот как ему это удалось?!

Образования, кроме гимназического курса в Белграде, Георгий Иванович получить не смог. Но был большим книголюбом. Уже взрослым человеком он попал в Швецию, там стало полегче. Женится. Но Бог не дал деток. Сознывая себя до конца жизни «вольным казакком», он съездил «домой», в станицу Верхне-Курмоярскую, но об этой поездке рассказывал мало. В конце жизни тяжелая болезнь жены приковала его к дому.

Три года назад мы встретились в Стокгольме. Он сам приехал на метро к месту встречи, пришёл, опираясь на «ходунок» на колесиках, обрадовался. Мы обнялись, посидели в кафе, а потом он повёл нас смотреть город! Никак не хотел прощаться, видимо сознавая, что больше не встретимся. Я звонил ему – не так часто, как должен был бы... Он гордился своим участием в фильме, благодарил за возможность высказать всё, что долгие годы молча носил в душе. Это Он, он нас благодарил! Бережно после съемки понес домой (еще без ходунок) бутылку ракии, привезенную из Белграда. От предложения вызвать такси резко отказался. Мощный был человек!

Вечная память и вечный покой тебе, вольный казак, Георгий Иванович!

Георгий Иванович Нестеров, (01.05.1920, Евпатория, Россия – 23.05.2017, Стокгольм) участвовал в январе 2011 года в съемках документального фильма «Русский Корпус. Свидетельства» и очень подробно рассказал о своей жизни.

Судьба «вольного казака» Георгия Нестерова, как и многих других будущих гимназистов и гимназисток, начала складываться еще до его появления на свете. Это была самая обычная большая казачья семья, со своим небогатым хозяйством. Казаки станицы Верхне-Курмоярской Области Войска Донского выбрали отца, Ивана Нестерова, в станичное Правление. То есть он стал атаманом. Он был грамотен и успел отслужить в артиллерии срочную и еще пару лет. Жена его была неграмотная.

Рассказ Георгия Ивановича: «Еще до того, как в станицу пришла война, уже шли споры о том, ты за кого? За новую власть или за старую? Даже не различая коммунисты там или красные или белые – этого понятия еще не было. А просто за старую или новую. Отец, конечно, сказал, да, он, конечно, за старую. <...> Сначала пришли «кадеты». Потом пришли красные, арестовали 15-16 человек, которые самые видные. Конечно, в первую очередь Правление. Их коротко судили и вынесли смертный приговор. И мой отец тоже попал в эту группу. Мама много раз, конечно, вспоминала. И даже моя старшая сестра помнит, как их вели на расстрел. Слышно было, что были выпивши. Палачи. <...> Но отцу удалось сбежать буквально из-под пули: «Он скрючился, притворился в очень маленького. И когда сказали, вот, идите туда, а он шмыгнул в сторону. И куда-то там в овраг... И убежал. А

всех остальных постреляли. Причем стояли, били в затылок пулей, а потом еще рубили шашками их. Порубили всех в капусту. Отец, он убежал, конечно, смертно испуганный. Что ему было? 35-36 лет может быть. И там блуждал где-то в степи, не смел нигде появиться. А утром новое Правление выбрали, красные выбрали. <...> Новый атаман, свой станичный казак, пришел к Нестеровым: «... ищи своего мужа, скажи, это было в горячке сделано. Теперь пусть возвращается, ничего ему не будет. Будет казначеем в новом Правлении. Ну и мама, мама поехала. И где-то его нашла. Усадила его рядом, уговорила. И он явился к красным».

А дальше – классика! Пришли белые, арестовали членов Правления, коротко осудили, часть повесили, остальных «порубили». Ивану Нестерову удалось избежать экзекуции, и он остался казначеем и в белом правлении. Наверное, грамотных и честных в станице было совсем немного. Так шло время, и вот стало известно, что опять приближаются красные... А мама к этому моменту оказалась в тягости...

«Она сидела дома и видела, как мой отец на повозке, запряженной конями, гнал всю мочу. Хлестал. И он убежал в последнюю минуту. Только что он убежал, тогда пришли красные. Потом дальше уже, дошло до того, что видно, что дело пропащее, и тогда все казаки Курмоярской станицы и еще соседней Есауловской двинулись в поход, уходить. <...> И они ушли. Шли через Сальские степи, Ставрополье, Кубань к Черному морю... Отец то терялся, то появлялся вновь. Так станичники докатились до Крыма, а Нестеровы оказались в Евпатории.

«Я хочу вам сказать, что у меня, весь этот страх, который

я пережил, я только был в чреве матери. Я высчитал, что по календарю, вероятно 1-го августа 19-го года было зачатие. И всё время, пока бежали, мать моя была мной беременна. Значит этот страх перешел ко мне уже в чреве матери. И говорят, что страх, который накапливается у твоих родителей, он передается ребенку. И потому я считаю, если я позже был такой робкий и трусливый, так я это унаследовал. И знаю, кто этому виноват. <...> В Евпатории стояли и жили в кабинках, в которых раньше передевались на пляже на берегу моря. Два квадратных метра, но все ж есть крыша над головой. Вот там мать меня и родила. Во-первых, она голодала, во-вторых была больна тифом. И я не только пострадал тем, что я стал трусливым таким. Но кроме того я все время с самого зачатия и после рождения был вечно голодный. У нее не было молока, и они мне давали такую «жевку», в тряпочке жеванный хлеб. <...> Мама описывала, говорит, был как косточки в кулечке. Гремели только. Ну и ладно. По счастью оказалось, что одна станичница, у нее было много молока и девочка постарше меня, так что она меня подкармливала. Я потом её вечно почитал, как мою молочную мать».

Мальчик выжил... А еще одним чудом было то, что Нестеровым, а их было пятеро, удалось всем протиснуться на судно, куда простых казаков не очень-то впускали. Случались и стычки между простыми и благородными, дворянами. Так они ушли из Крыма. «Покинули родину», – подытожил Георгий Иванович.

Лет через 60 он приехал в Россию. «На встрече с советскими гражданами меня спрашивали, как же у вас родины нет? Я говорю, нету родины, нет. На меня смотрели как на млекопитающее нижнего разряда. Слово чего-то у меня не хватает. Как бы то ни было, родины у меня не было...»

В Сербии станичников – их было человек сто – расселили по разным селам в восточной части Воеводины, в Банате. Нестеровы попали в село Табина. Там жили словаки.

«Потом позже, когда я возвращался в эту деревню, то у меня было то самое чувство родины – воспоминание, запахи, вкусы, звуки, которые первые я ощутил. Так что я чувствовал – вот это моя родина! Сколько мне могло быть? Год, может быть. Я начал уже ползать. А там всюду были посажены тутовые деревья. С них ягоды сыпались... И я лазил и ел, наполовину земля, наполовину ягода и вот этим я, наверное, восстановил свое здоровье. И я считаю, что в Воеводине я впервые в жизни не голодал больше».

Державная комиссия по делам русских беженцев какое-то время поддерживала семьи небольшими пособиями. Казаки поначалу занимались батраками: косьба, молотья, ломка кукурузы. Потом начали промышлять разным ремеслом, кто каким владел. Старший Нестеров стал бондарем, делал бочки, тазы из тутового дерева. Потом купил паяльник и заделался лудильщиком. В каком-то одном селе подолгу не засиживались: отец рассчитывал, что, может, где-то получше будет.

Кочевали. Матери это поперёк горла было. С детьми, как выразился Георгий Иванович, «особенно не пешкались!»

Когда Георгию сравнялось шесть лет, отец узнал, что есть возможность устроить сына в русскую школу. «Если бы не было этой возможности, то я учился бы в сербской школе в той же деревне, где и жили. Но это была возможность учиться и жить в интернате. Там бы я получал еду, помещение, одежду, форму и все это было бесплатно. И конечно он это выбрал. Это одно. Но самое-то главное, чтоб сохранить русский язык. <...> Я не был из таких гениев, которые начинали читать в 5-летнем возрасте или умели считать. Я не умел считать до пяти. А самое главное, у меня не было способности к ручному делу: самому одеться, надеть правильно обувь и если есть шнурки, завязать. Ничему этому меня не научили родители. А кроме того, у меня был словарь очень ограниченный, как я был предоставлен самому себе и ходил с сербами. И отец, вероятно, немножко боялся, как всё это будет. Подготавливал меня. Звали меня Жора. Это я знал. И потом сказали мне, что я казак. Это я запомнил сразу. Я был казак и я был Жора. А больше я ничего не знал, даже свою фамилию не знал. И чтоб не такая была страшная для меня перемена, отец вдруг начал мне рассказывать сказки...»

Так Георгий попал в русскую начальную школу-интернат в замке Храстовец, что в Словении близ Марибора. Там были все 7-летние, а ему было немногим больше шести. Отец привёз его, переночевал и рано утром уехал. Для мальчика это был настоящий шок. Но как бы то ни было, к концу первого года казак Жора уже сам читал сказки Пушкина. Ни на какие каникулы Жора из Храстоваца не уезжал и к нему никто не приезжал – билеты стоили неподъемно дорого. Когда летом, через девять месяцев, он вернулся в деревню, родители показали ему чужими людьми.

«За нами хорошо смотрели, в том смысле, что приезжали русские оркестры балалаечные, приезжали хоры, может быть не самые знаменитые певицы или певцы, пели русские народные песни. Приезжали такой режиссер Ракитин, читал нам, как сейчас помню, рассказ Чехова. У него чудная мимика была, мы хохотали – животы порвали. Очень хороший. Был и митрополит Антоний Храповицкий. И как-то раз нас навещил генерал Кутепов. Мы его встречали выступлением: пели «Славься, славься ты, наш русский царь, Господом Богом наш царь-государь».

Летом 1929 года, когда для Георгия закончился последний учебный год в Храстовеце, семья Нестеровых жила уже в Белграде. Они поселились на окраине города, за Дунаем, в «трущобах» самостроя, где жили подобные им беженцы. И вот, поездом, 9-летний Жора приезжает в Белград.

«Вы можете себе представить, какие все села в Воеводине, настоящее село, простое. А я сперва попал из села в средневековый замок – это большая перемена, а из замка я вдруг попал в столицу страны. В столицу королевства Югославия. И там такие чудеса, как ходят трамваи и автомобили, и асфальтированные дороги, и электричество, и королевский дворец. И около дворца в роскошной форме опереточные такие гусары с обнаженной шашкой. Что-то такое невероятное было! Отец получил работу в типографии, была в Белграде вторая по величине газета – «Време». Позже стало «Ново време». Он был «словослагач», словолитчик».

Юный Георгий Нестеров сдал вступительные экзамены и поступил в Белградскую гимназию. Поскольку родители жили далеко от центра города, он получил место в интернате. Он начал учиться, когда гимназия еще была в здании возле Калемегдана, где русские ребята учились во вторую смену после сербских школяров. Позднее ему привелось ходить в классы и на Шумадийской улице, а закончить уже в новом помещении Русского Дома. Знания давались ему нелегко – после четвертого класса он не смог сдать экзамены «малой матуры» и остался на второй год. Однако, всё кончилось хорошо; гимназию и соучеников Георгий Иванович вспоминает самыми теплыми словами.

На фотографии того времени молодой Нестеров уже в светлом костюме, при галстукке и в модной кепке. Вполне возможно, что именно в таком виде Георгий пришел на факультет сельского хозяйства и лесничества и записался студентом на отделение лесничества.

В студенческие годы он общается к политике. Начал читать разнообразные издания на русском языке и на сербском. Читал «Време», которую приносил домой отец, «Царский Вестник» – газету монархического направления. Журналы «Часовой» и «Иллюстрированная Россия», издававшийся в Париже. И, конечно же, журнал Союза вольного казачества – «Казакция».

«Оттуда и из разных докладов я получил нашу идеологию: чтобы создать казачье свободное государство, независимое. У нас будет выборный атаман, будет свой парламент, Войсковой Круг, тоже выборный, будет свой герб, свой трехцветный флаг, сине-желто-алый. И будем, так сказать, настоящим казачьим государством. И все, которые не казаки, будут показаны. Будут тоже с настоящими правами. Да. Иногородние, а тут они становятся казаками».

Эти слова были произнесены в январе 2012 г, произнесены с задором и с огоньком в глазах. Георгий Иванович Нестеров не изменил своих юношеских пристрастий и, вероятно, сегодня он – один из последних живых «вольных казаков».

Но пройти полный курс наук Георгию было не суждено. 6-го

апреля 1941 г. утренней бомбёжкой мировая война пришла в Югославию, ставшую родиной не только для казака Жоры, но для многих русских беженцев. «Это было рано утром, ясный солнечный день. Мы жили в небольшом домике. Это низкое место, а город оттуда – силуэт такой холмистый. Весь горизонт было видно. Например, высокое здание «Албании». До этого были учения армии для гражданского населения, как защищаться и чего можно ожидать? Происходили обыкновенно по ночам. Летали самолеты, которые бросали свет, белые как бы лампочки... белое, зеленое и красное. Красное – это зажигательное, белые – взрывные, а зеленые, говорят, это химическое что-то такое. И били орудия по самолетам, брали их в прожектора, ловили. И мы ходили и смотрели на это. И когда вот это случилось 6-го апреля, я вижу – большие клубы дыма, и мне не хотелось верить своим глазам, что это на самом деле. Я наблюдал это как в кино. Но какой-то страх вдруг почувствовал. И потом прошло может быть полчаса, отец в 60 лет бежал как молодой, бежал... Оттуда! А я его спросил, а это что – упражнения? «Какие там упражнения, дурак? Это – война».

Как только после этой бомбёжки прошла неделя, по дороге из Панчева в Белград, 12 километров вдоль Дуная, пошли танки немецкие. И тоже, такой моторизации я никогда раньше не видел, понятия не имел, что это возможно такое. Сутками шли колоннами, одна за другой. Или танки или грузовики с солдатами и так далее. Мне потом нужно было сходить в Панчево и перед самым городом с левой стороны там, вероятно, было опорный пункт какой-то против авиации. Потому что я видел большие такие орудия. И там было совершенно разбито всё вдребезги. Масса лежала трупов, людей, лошадей и все это было разбито. Вероятно из воздуха скосили. Так что какое-то сопротивление было и русские участвовали... но именно в Воеводине там много сопротивления и не могло быть. Там же жило много немцев, фолксдойче».

С приходом немцев жизнь в стране резко изменилась. Многие русские потеряли работу, занятия на факультете прекратились. Георгий жил в семье, помогал родителям чем мог. «Изменилось именно положение русской эмиграции. Немцы провозгласили, что должен быть мир, порядок и работа. И помалкивай. Вот так это все и восприняли. Все было рационировано. Снабжение, еда. Это, конечно, касалось всех, не только нашей эмиграции. И нужно было зарегистрироваться, чтобы получить полагающееся тебе пропитание. Или у своих, у сербских властей, или, как мы жили по другой стороне Дуная, там был уже немецкий протекторат. И эти фолксдойче выдавали бумаги, что ты русский эмигрант и все данные. Многие русские организации выдавали свое удостоверение, легитимацию

с фотографией. И, наконец, вольные казаки, каковым я и был, записывали своих. Там тоже была фотография и печать – скрещенная булава и бунчук».

А после нападения Германии на Советский Союз, перед всей русской эмиграцией встал окаянный вопрос: «Что делать?» О появившихся титовских партизанах и о начавшихся расправах с русскими, которые жили в провинции и были «против батюшки Сталина», Георгий знал не понаслышке: один из его родственников был арестован, вернулся домой, потеряв способность говорить, и вскоре умер. Знал Георгий и о начале формирования Русского Корпуса, слышал про старое поколение генералов и полковников, пришедшее в Корпус, но он туда не пошёл, поскольку «вовсе не собирался чистить генералам сапоги и ходить перед ними под козырек».

«Ну вот, так это и оставалось всё, но в 42-м году в декабре наш атаман вольноказачий, Павел Поляков, пригласил нас на собрание и сказал, что будут теперь собирать свою казачью единицу. Сколько будет неизвестно. И говорит, что теперь уже немцы докатились до почти что Сталинграда, так что наши территории Дона уже без коммунистов, надо и нам тоже пожертвовать чем-то. На него, конечно, может быть, давили немцы. Ну я и отозвался, сказал, я пойду. Я пойду, чтобы пожертвовать жизнью для того, чтобы создать независимое казачье государство. <...> И мы пошли в темноте с отцом, так же, как он меня в 6-летнем возрасте отвел в Храстовец, так и в этот день мы пошли к Пашке Полякову. У него была скромно меблированная канцелярия, почти напротив Русского Дома. Мы даже не селились, он спросил фамилию, имя, дал такой лист бумаги – иди на Баницу. Отец пошел на работу, а я – на Баницу, в бывшие казармы гвардейские». Георгий Иванович Нестеров прошёл санитарные курсы, воевал честно до самой сдачи корпусниками оружия англичанам в Австрии.

«Я бросил винтовку с удовольствием. Уже было ясно, что кончено. Уже сейчас, когда я об этом думаю, я сам собою доволен. Сам себе дал хорошую отметку, что я – молодец... Я не струсил, да. Может я такой оптимист или жизнерадостный, но кругом была природа, горы, зеленеет все, красота – и почему-то я решил, что мне бояться нечего, теперь будем жить».

Георгий Нестеров находился в лагерях для военнопленных до декабря 1947 г. Перед советской комиссией предстал сербом. Уезжать из Европы он не захотел, какое-то время жил в Англии, много и тяжело работал. Высшего образования так и не получил. С 1955 г. обосновался в Швеции, в Стокгольме. Не раз и не два бывал в России, на Дону..

Михаил Ордовский-Танаевский